

Д ж о р д ж Р ю д е

НАРОДНЫЕ НИЗЫ в ИСТОРИИ

1730 – 1848

Перевод с англ. Е.Бухаровой и О.Зелениной
Предисловие и редакция д.ист.н. М.А.Барга

М.: Прогресс. 1984

Веб-публикация: редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения 2008

В библиотеке Vive Liberta ранее опубликована главы из этой работы «Французская революция: политический бунт, продовольственный бунт, трудовые конфликты» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>), «Лики толпы. Характер волнений и поведение масс. Победы и поражения народных низов» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>).

ИДЕОЛОГИЯ и КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Маркс положил начало изучению идеологии как орудия классовой борьбы и социальных перемен. Однако понятие идеологии как философской концепции выдвинули философы французского Просвещения. Один из них, философ-материалист Гельвеций, сам не употреблявший термина «идеология», подготовил тем не менее почву для его появления, выдвинув известный тезис: наши идеи — продукт общества, в котором мы живем. Термин «идеология» ввели в употребление лишь философы следующего поколения, современники Французской революции, которые превратили Французский институт, созданный Директорией в 1795 г., в центр распространения рационалистических традиций Просвещения. Один из них, Антуан Дестют де Траси, спустя несколько лет ввел термин «идеология» для обозначения общего учения об идеях.¹

Это понятие появляется позднее в работах Канта и Гегеля, на сей раз как специфическая категория немецкого философского идеализма. Гегель считал дух «абсолютным творцом» истории; по его словам, предмет философского познания является история духа, скрытого своим внешним материальным проявлением, но тем не менее легко распознаваемого как движущая сила мирового процесса. Поэтому идеология рассматривалась как непосредственная проекция духа («объективного духа», как писал Гегель), не имеющая самостоятельной сущности. Более того, поскольку «идеология» является универсальным понятием, она, по Гегелю, никак не может служить интересам определенных классов и групп, не говоря уже о народных массах, не заслуживавших, по мнению философов-идеалистов, особого внимания.²

Как известно, Маркс и Энгельс в юности увлекались философией Гегеля; ему они обязаны своей непоколебимой верой в конкретность истины, но, что важнее всего, Маркс и Энгельс взяли на вооружение диалектический метод Гегеля — учение о том, что источником развития является борьба противоречий, «тезиса» и «антитезиса». Однако в начале 40-х гг. XIX в. они начали ставить его философию с головы на ноги, отвергнув его идеализм и выдвинув вместо его концепции «духа» как активного первичного творца истории положение о первичности материи. Эти новые взгляды они впервые изложили в совместно написанной ими работе

«Святое семейство, или Критика критической критики», опубликованной в 1845 г.³ Метафизическому толкованию исторического процесса Маркс и Энгельс противопоставили свою концепцию исторического материализма.⁴ В «Немецкой идеологии», написанной спустя несколько месяцев, они сформулировали в первом приближении основное положение своей концепции: не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание.⁵

Это материалистическое переосмысление учения Гегеля в какой-то мере основывается на положении Гельвеция о зависимости идей от общества, которое их порождает, с одним лишь весьма существенным различием: Маркс не считал эту зависимость абсолютной или односторонней; по его мнению, между идеями и практикой существовало взаимодействие. Более полно эта мысль развита в работе «Тезисы о Фейербахе»: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания... забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан».⁶ Таким образом, Маркс и Энгельс, отвергая идеализм Гегеля, вместе с тем защищали его диалектический метод от критики «вульгарных материалистов» — Фейербаха и его последователей. Однако, подчеркивая способность людей «изменять обстоятельства», Маркс отмечает, что это возможно в определенных условиях. Ему принадлежит знаменитая фраза: «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить».⁷

Итак, какой смысл вкладывал Маркс в понятие «идеология»? Идеология впервые попала в поле зрения Маркса, когда он вместе с Энгельсом приступил к критике философских взглядов самых шумных последователей Гегеля — младогегельянцев. Маркс пришел тогда к выводу, что их вывернутые наизнанку представления о мире неверны, а стало быть и идеология, играющая столь большую роль в их мышлении, оказывается «воображением».

Маркс выводил свое понятие идеологии от противного, отталкиваясь от ложного сознания младогегельянцев и, в более широком смысле, от любых других форм «псевдоидеологии».

Эти «фантазии», пишет Маркс, имеют и другое назначение: они служат действенным орудием классового господства. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу».⁸

Чтобы покончить со своим подчиненным положением, порвать с иллюзиями, навязанными ему капитализмом, пролетариат, как единственный класс, способный это совершить, должен выработать собственное «правильное» сознание — или классовое сознание, свойственное только ему. Только так он сможет осмыслить свое угнетенное положение и найти путь к освобождению. Это мучительное пробуждение, по Марксу, процесс коллективный: не отдельные пролетарии постигнут, словно по наитию, смысл происходящего и поведают об этом своим товарищам, а весь пролетариат будет постепенно вырабатывать свое классовое сознание. Маркс и Энгельс придавали огромное значение классовой борьбе, участию пролетариев в экономических и политических выступлениях с постановкой краткосрочных и долгосрочных целей. «Коммунисты, — гласит «Манифест Коммунистической партии», — борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения».⁹ Если, как отмечалось выше, общественное бытие определяет сознание человека, то возникает вопрос, в какой степени сознание в свою очередь влияет на экономический базис, иными словами, какую степень независимости от базиса надстройка (к которой относится и общественное сознание) вообще имеет, может ли она в

свою очередь влиять на базис, ее определяющий? Этот вопрос стал предметом горячих дискуссий и самых различных толкований после того, как Маркс дал свою знаменитую формулировку в «Критике политической экономии». Понятая буквально, эта формулировка подкрепляет, казалось бы, теории «детерминистов» — и критиков Маркса, утверждавших, что надстройка (включая общественное сознание и идеи) представляет собой, согласно теории Маркса, лишь прямое отражение базиса, продуктом которого она является. Другие философы считали, что идеи и идеология, являясь в основе своей порождением материального бытия, могут на крутых поворотах истории играть, по крайней мере временно, почти независимую роль. Ранние «философские» формулировки Маркса либо были амбивалентны в этом отношении, либо подтверждали, по мнению толкователей, скорее первую точку зрения. Но работы Маркса, например «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», и Энгельса «Крестьянская война в Германии», вне всякого сомнения, подтверждают вторую. Сам Маркс в одной из работ писал: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».¹⁰ Это, как представляется, ключ к решению вопроса. В своих работах, написанных уже после смерти Маркса, Энгельс счел необходимым еще раз сформулировать их точку зрения. Он решительно отстаивал положение, согласно которому в конечном счете идеи, религия и другие части надстройки определяются материальным базисом.

Вернемся теперь к вопросу о том, какими путями можно прийти к полной ясности сознания, о которой писал Маркс в «Святом семействе». «Манифест Коммунистической партии», где, как уже отмечалось, основной упор сделан на классовую борьбу, призывает также партии рабочего класса, в частности немецких коммунистов, ни на минуту не прекращать «вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом».¹¹ Такие же положения содержатся в «Капитале» Маркса и в некоторых последних работах Энгельса. Вопрос встал в повестку дня в качестве теоретической проблемы в социал-демократических партиях, возникших в Европе в последние годы жизни Маркса. Даже в Англии, где рабочее движение не испытало на себе сильного влияния марксистского учения, Уильям Моррис в начале 90-х гг. XIX в. утверждал, что главной задачей социалистической партии является выработка подлинно социалистического сознания у трудящихся, без которого они будут не в состоянии осознать себя «как силу, противостоящую несправедливому обществу, и как единственно возможную основу общества справедливого».¹² Однако в то время это был глас вопиющего в пустыне.

Иной была обстановка в России, когда Ленин в самый канун революции 1905 г. обосновал необходимость создания партии нового типа, овладевшей идеями Маркса и способной воодушевить этими идеями промышленных рабочих, вчерашних выходцев из деревни, начавших ожесточенную экономическую борьбу с предпринимателями. Ленин критиковал людей, считавших, что активная борьба рабочих, направленная на достижение экономических целей, сама по себе, стихийно, приведет к выработке у них политического классового сознания. Он ясно заявил, что классовое политическое сознание может быть привнесено рабочему только извне, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам, и отмечал далее: «*Всякое преклонение перед стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым... усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих*». В итоге Ленин пришел к следующему выводу: «Вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет. ...Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отступление от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».¹³

После победы Октябрьской революции в России и последовавших за ней революционных выступлений на Западе споры о революции как таковой и о революционной идеологии рабочего класса приобрели более философскую окраску. Наиболее известным на Западе теоретиком-марксистом, вновь поднявшим вопрос о революционной идеологии, был итальянец Антонио Грамши, который был свидетелем военного поражения своей страны в годы первой мировой войны и приобрел огромный жизненный опыт, будучи революционером и просидев десять лет в фашистском застенке. В своих «Тюремных тетрадах», созданных в годы заключения, он стремился разработать учение об идеологии восставших «простых людей». Чтобы обмануть цензуру, Грамши вынужден был писать туманно, а некоторые его положения, сформулированные вне контекста, выглядят подчас несколько неожиданно. Но при всем том оригинальность самого его подхода к проблемам идеологии совершенно очевидна. Он различает два вида идеологии: идеология как органическая составная часть определенной социальной структуры и идеологии произвольные, «рационалистические», «навязанные». Основное внимание Грамши уделяет идеологии первого типа, которая имеет «психологическую» ценность, организуя людей, создавая основу прогресса, способствуя осознанию массами целей своей революционной борьбы и т.д. Естественным представляется вывод Грамши, что идеологию, хотя и связанную неразрывно (как и все другие элементы надстройки) с базисом, следует рассматривать все же как относительно независимую силу, ту самую потенциальную материальную силу, о которой писал Маркс. Идеология, по Грамши, обретает еще большую независимость от базиса в том случае, если перестает быть «заповедником» основных классов индустриального общества; в его системе есть место и для недифференцированных моделей мышления, распространенных среди «простых людей», зачастую противоречивых, непоследовательных, уходящих корнями в фольклор, мифологию, повседневный народный опыт. Подобные формы относятся к «неорганической», по терминологии Грамши, идеологии. Оттолкнувшись от них, он переходит к анализу образа мыслей среднего и низшего классов. Грамши проанализировал положение крестьян и ремесленников, потенциальных союзников рабочего класса.

Однако основной вклад Грамши в учение об идеях — это его интерпретация понятия «гегемония». Для него гегемония — это не просто господство — идейное или политическое. Его интересует не константа, а процесс, в ходе которого правящий класс завоевывает — по большей части мирными средствами — доминирующее положение и в сфере идей, навязывая другим классам определенный образ мыслей. Это достигается благодаря контролю над средствами идейного воздействия в той части общества, которую Грамши именует «гражданским обществом»: прессой, церковью, системой образования. В результате народ становится добровольным пособником собственного закрепощения. Может ли пролетариат, представляющий большинство населения, освободиться от этих идеологических оков, и если может, то каким образом? — спрашивает Грамши и отвечает: да, причем лишь одним путем: вырабатывая собственную контридеологию, которая нейтрализует вредоносную для него идеологию правящего класса и создаст необходимую предпосылку для захвата государственной власти. Установление идеологической гегемонии требует, чтобы у пролетариата были свои хорошо подготовленные идеологи, так же как у буржуазии есть свои. Таковыми должны стать «органические» интеллигенты (Грамши применяет этот термин для профессиональных деятелей обоих «основных» классов). Задача этих «органических» интеллигентов, действующих в интересах пролетариата, заключается не только в том, чтобы вооружить свой класс новой идеологией — практической идеологией, но и в том, чтобы нейтрализовать, привлечь на свою сторону, побудить порвать старые социальные связи так называемых «традиционных» интеллигентов, которые, выражая интересы «традиционных классов», например крестьянства и ремесленников, не примыкают ни к одному из основных антагонистических классов. Только так пролетариат, по мнению Грамши, сможет создать собственную контридеологию, подорвать идеологию противника и затем нанести ему поражение в борьбе за политическое господство.

Вслед за Марксом и Энгельсом Грамши придает особое значение глубокому и непредвзятому анализу конкретных исторических условий, включая соответствующую идеологию. (Идеологию, по его мнению, необходимо анализировать в историческом контексте, в категориях «практической» философии, как надстроечное явление). Все это подготовило почву для анализа идеологии народных масс в широком смысле слова: не только идеологии пролетариата в промышленном обществе, но и идеологии его предшественников, а также крестьян, фермеров, мелких собственников города в переходный период общественного развития, когда современные «основные» классы еще не сформировались окончательно.

Ссылки на источники

1. Lichtheim G., The Concept of Ideology and other Essays, New York, 1967, pp.4—11.
 2. Там же, с.11—17.
 3. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.2.
 4. Маркс и Энгельс никогда не считали себя первооткрывателями роли классовой борьбы в истории. Впервые на это указали историки периода Реставрации Тьерри и Гизо.
 5. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.3, с.25.
- Более известна формулировка: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», данная в работе «Предисловие к «Критике политической экономии».
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с.2.
 7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с.7.
 8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.3, с.45—46.
 9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.4, с.458.
 10. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.1, с.422.
 11. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.4, с.459.
 12. Morris William. «Communism» — лекция в социалистическом обществе Хамерсмита 10 марта 1893, цит. в «Political Writings of William Morris», под редакцией A.L.Morton, London, 1973, p.233.
 13. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.6, с.38—40.

ИДЕОЛОГИЯ НАРОДНОГО ПРОТЕСТА

В предыдущей главе мы коснулись марксистского учения об идеологии рабочего класса и его борьбе против господства капиталистической идеологии в современном промышленном обществе и не уделили достаточного внимания борьбе крестьян, торговцев и ремесленников как на современном этапе развития, так и в «доиндустриальную» эпоху — в период перехода от феодального способа производства к капиталистическому. Но учение об идеологическом противоборстве между двумя антагонистическими классами в современном обществе имеет к теме данной работы лишь косвенное отношение. Автор анализирует переходное общество с его «традиционными» социальными группами.

Другие авторы ранее уже проводили различие между двумя типами идеологий: идеологией «структурированной», то есть обладающей четкой или по крайней мере различимой внутренней структурой (по мнению некоторых, лишь эта идеология заслуживает своего названия), и другой, отражающей более примитивные представления, психический склад и умонастроение. Ограничиться при изучении народной идеологии анализом идеологии лишь первого типа было бы неправомерно; второй же тип идеологии, более соответствующий теме этой работы, слишком ограничен сам по себе. Равным образом следует отвергнуть и такие представления, на которых зиждется, к примеру, теория Оскара Льюиса о «культуре бедности»: как это видно из самого названия, она исходит из пассивности и смирения масс.¹ Эта теория, хотя и признает понятие «класс» (в смысле осознания собственной социальной приниженности в отношениях между «нами» и «ими»)², едва ли поможет анализу проблем идеологии народного протеста. Исходя из вышеизложенного, автор и поставил себе целью разработать в этом вопросе собственные теоретические положения.

НАРОДНЫЕ НИЗЫ В ИСТОРИИ

Народная идеология «доиндустриального» периода — это не внутреннее дело и не исключительный домен какого-то одного класса или социальной группы, что уже само по себе отличает ее от идеологии как «классового сознания» или его антитезы, то есть от идеологии в традиционном смысле слова, о которой шла речь выше. Народная идеология — это, как правило, сочетание двух элементов: один из них присущ самим низшим «народным» классам; другой — постепенно привносится в эти классы извне и адаптируется ими. Первый из указанных элементов можно определить термином «врожденная традиционная идеология», как бы впитанная с молоком матери. Она не навеяна проповедями и речами, не вычитана из книг, а вытекает из непосредственного опыта, устной традиции и народной памяти. Второй элемент народной идеологии — это позаимствованные ими, «привнесенные» извне идеи и представления, нередко принимающие форму систематизированных политических или религиозных убеждений, как, например, понятия «права человека», «народный суверенитет», «свобода предпринимательства», «„священное“ право собственности», «национализм», «социализм» и, наконец, различные версии оправдания верой*. Отсюда следуют два весьма важных вывода: во-первых, что народное сознание не представляет собой «чистой доски» (*tabula rasa*), на которой ввиду отсутствия каких-либо собственных идей можно начертить новые идеи (утверждение, весьма дорогое сердцу приверженцев убеждений в «безмозглости черни»), во-вторых, что автоматический переход от простых к более сложным представлениям невозможен (Ленин еще в 1902 г. писал, что русские рабочие не в состоянии стихийно, сами по себе выработать такие идеи). Но равным образом важно осознать, что оба названных типа идеологии не отделены друг от друга китайской стеной; более того, неправомерно рассматривать один из них как «высший» или стоящий на более высоком уровне по сравнению с другим. В действительности они часто накладываются один на другой. Так, например, среди «врожденных» убеждений одного поколения, являющихся частью его базисной культуры, некоторые были привнесены извне в сознание предыдущего поколения.

Достаточно упомянуть в этой связи о генезисе понятия «норманское иго», о чем писал Кристофер Хилл.³ Понятие это восходит к древним свободам, отнятым у свободолюбивых англосаксов Вильгельмом Нормандским, которого некоторые источники непочтительно именуют незаконнорожденным, и его нормандскими рыцарями или бандитами, убеждения которых, будучи обогащенными опытом последующих поколений, превратились в народную легенду, игравшую большую роль в народных движениях в Англии вплоть до периода чартизма в 30—40-х гг. XIX в.

То же самое можно сказать и о религиозных идеях, заключенных в лютеранстве и кальвинизме, которые, будучи признаны протестантским государством и бесконечно повторяемые поколениями священников и богословов, в той или иной форме к началу XVII в. стали частью «врожденной» идеологии народа и его культуры в целом. Далее, второй тип — «привнесенная» идеология; эффективно воспринимается только тогда, когда попадает на хорошо подготовленную почву; в противном случае ее отвергнут столь же несомненно, как это сделали испанские крестьяне в 1794 г., отвергнувшие доктрину Прав человека (с энтузиазмом воспринятую немцами, итальянцами и даже католиками — поляками и ирландцами). Разумеется, подобное сопротивление новым идеям свойственно не только простым людям. Австралиец Феликс Рааб писал, насколько по-разному были восприняты различными поколениями английского джентри и придворной знати в XVI и XVII вв. радикальные идеи Макиавелли: то, что одно поколение предавало анафеме, для другого оказывалось приемлемым, а на третье нагоняло скуку.⁴

Способность к восприятию — это только одна сторона вопроса: гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что «привнесенные» или более оформленные идеи по сути своей зачастую представляют в рафинированной форме «врожденные» убеждения и народный опыт. Таким образом, процесс передачи идей протекает не в одном направлении, а представляет постоянное взаимодействие между двумя типами идеологии. Маркс и Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии», что «теоретические положения коммунистов... являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения».⁵ Этот вывод применим не только к идеям Маркса: совершенно очевидна связь между демократическими идеями Руссо и борьбой за демократию, которая в его родной Женеве началась раньше, чем где-либо в Европе, не говоря уже о других континентах.

Молодой американский ученый в одном из опубликованных недавно книжных обзоров выдвигает предположение, что опыт и «врожденная» идеология лионских шелкоткачей, первыми среди французских рабочих начавших политическую борьбу за право объединяться в «ассоциации», помогли французским социалистам — Прудону и Луи Блану — несколько лет спустя разработать так называемую «кооперативную теорию».⁶

Где же проходит граница между двумя типами идеологий? Примером «врожденных» убеждений является, по мнению автора, прежде всего неотъемлемое право на землю в представлении крестьян — будь то в форме частной или общественной собственности. Именно эта вера в наши дни воодушевляет на борьбу крестьян Мексики, Колумбии, Новой Гвинеи, так же как она вдохновляла участников крупнейших крестьянских восстаний в Европе в 1381, 1525 и 1789 гг., бунтов против сборщиков податей в Японии времен Токугавы, ирландцев, боровшихся за землю на протяжении почти всего XIX в., или английских крестьян, выступавших против огораживаний в период между XVI и XVIII вв. Подобно тому как крестьяне свято верили, что по справедливости они имеют право владеть землей, городская и деревенская беднота верила в свое право покупать хлеб «по справедливой» цене, определявшейся опытом и обычаями⁷, а рабочие — в свое право на «справедливую» заработную плату, не зависящую от произвола предпринимателей или, говоря современным языком, от законов спроса и предложения. Многочисленные голодные бунты во Франции и в Англии в XVIII—начале XIX в., движение луддитов, выступления разрушителей машин в южных графствах Англии в посленаполеоновский период убедительно показывают, сколь живучи подобные требования.

Точно так же «свободнорожденный» англичанин тех времен чтит свои традиционные «свободы» и восставал, когда на них покушались, а мелкие фригольдеры и горожане, оказавшиеся под угрозой экспроприации, боролись и до сего дня борются против «улучшающих** свои владения» лендлордов и фермеров, предприимчивых буржуа и городских властей, разоривших их и разрушивших их общины «во имя прогресса». Указанные слои зачастую предпочитали иметь дело с «уже известным злом», занимали консервативную, а не прогрессивную позицию, требуя восстановления своих утраченных прав, чем выступать за перемены или реформы. Однако многие не только среди мятежников разделяли миллениаристские или хиластические убеждения и поэтому были более склонны связывать свои судьбы с неожиданными переменами или обещаниями таковых при втором пришествии Христа или, наконец, с «добрыми» мирскими вестями, например, решением Людовика XVI созвать Генеральные штаты летом 1789 г.⁸

Следует упомянуть и о других аспектах народной идеологии, не столь броских и не всегда получающих отражение в источниках. Таковы, по терминологии, введенной французскими авторами Леруа Ладюри, Мандру, Вовелем и другими, менталитет — психический склад и коллективное мироощущение простых людей, которые, подобно различным элементам так называемой «плебейской культуры» Э.П.Томпсона, никоим образом не сводились только к протесту, хотя и имели к нему отношение. Мишель

Вовель, к примеру, доказал, что коллективное восприятие французских крестьян и городских низов в определенных его проявлениях, таких, как изменившееся отношение к религии и смерти, поведение на народных празднествах и т.д. в последние годы старого порядка, предвосхитило некоторые аспекты идеологии народных масс в 1789 г.⁹

Идеология этого типа подчас принимает форму причудливой амальгамы несопоставимых представлений, среди которых трудно различить «врожденные» и сравнительно недавно «привнесенные». По сути своей это явление того же порядка, что и упоминаемая Грамши «противоречивость» идеологии рядового итальянца. Хобсбом приводится в пример вожака итальянских разбойников в

60-е гг. XIX в. — период гарибальдийских войн, — распространявшего прокламацию следующего содержания: «Долой предателей, долой нищих, да здравствует справедливое Неаполитанское королевство и его христианнейший правитель, да здравствует наместник бога Пий IX, да здравствуют наши неукротимые братья-республиканцы!»¹⁰

Еще более эклектичной была в 80-х гг. XVIII в. идеология ирландских крестьян-дефендеров («защитников католической веры»), стоявших ступенью ниже на социальной лестнице. В ней причудливо переплетались национализм и приверженность республиканской форме правления, католическое благочестие и идеалы Американской и Французской революций.

Примером такого же раздвоения лояльности (хотя в данном случае это нельзя объяснить одним лишь смешением понятий) может служить преданность крестьян, поднимавшихся с оружием в руках против помещиков и королевского правительства, королю, царю или императору; это особенно характерно для Европы в период абсолютизма или самодержавия. Во Франции до революции крестьяне встречали вступление на престол новых монархов взрывом подлинного энтузиазма, а во время бунтов их верность королю находила выражение в своеобразных двойных лозунгах вроде «Да здравствует король! Долой соляные подати!» в 1674 г. и «За короля и дешевый хлеб!» в 1775 г. Понадобилось целых два года революции и девять месяцев революционной войны, чтобы парижане, не говоря уже о французских крестьянах, восприняли казнь короля-предателя как необходимость. Хобсбом приводится пример из истории России XIX в., свидетельствующий о том, что вера крестьян в царя-батюшку долго не угасала, хотя царские министры ничего, кроме недоверия и ненависти, у них не вызывали.

«Врожденная» идеология сама по себе может поднять массы на забастовки, голодные бунты, крестьянские восстания (успешные или безрезультатные). Она может даже подвести народ к пониманию необходимости радикальных перемен, которое французские историки называют «осознанием», но совершенно очевидно, что она не может подвести их вплотную к революции ни в качестве ее творцов, ни даже в качестве младших союзников буржуазии. Эти пределы обозначены Томпсоном, когда он объясняет, каким образом «плебейская культура» Англии XVIII в. — «самообучающаяся культура народа, основанная на его опыте и духовных ресурсах», — хотя бы в некоторых отношениях помешала джентри распространить гегемонию на все области жизни. К творчеству масс, помешавших установлению этой гегемонии, он относит сохранение традиционных обычаев; небезуспешное сопротивление дисциплине труда, которую только начали вводить в промышленности в эпоху раннего капитализма; расширение сферы действия законов о бедных; улучшение снабжения населения хлебом, не говоря уже о том, что «никто не мог помешать народу слоняться по улицам городов, глазеть по сторонам, устраивать давку и сеять смуту. Плебеи, почитавшие себя чуть ли не свободными гражданами, с криками «ура» жгли дома ненавистных им лавочников и инаковерующих, демонстрируя бунтарский дух, поражавший заезжих иностранцев».¹¹

Однако все эти успехи низов в «доиндустриальной» Англии или в любой другой стране не могли бы получить дальнейшее развитие, если бы «плебейская культура», «врожденная» идеология масс не обогащались привнесенными извне элементами — политическими, философскими и религиозными идеями, которые она абсорбировала и перерабатывала с большими или меньшими искажениями. На историческом фоне того времени эти идеи были скорее прогрессивными, а не отсталыми, чаще реформистскими, чем реставрационными; в период, названный Робертом Палмером «демократической революцией» (имеется в виду XVIII в. — *Ред.*), массы получали их — иногда из вторых рук — от набравшей силу буржуазии — главного противника аристократии. Впрочем, в народные массы привносились и консервативные, реакционные представления, как, например, идеи, побудившие вандейских крестьян после 1793 г. восстать против революции «за церковь и короля»; неаполитанцев и римлян выступить против французов в 1798—1799 гг., а испанских крестьян — против Наполеона в 1808 г. Небезынтересно, что вандейские крестьяне сначала поддерживали революцию и выступили против якобинского Конвента лишь после того, как революция пошла по пути, явно не соответствовавшему их представлениям.

Как бы то ни было, а процесс слияния «врожденных» и «привнесенных» идей развивался постепенно и на разных уровнях: в самой примитивной форме он сводился к выдвиганию лозунгов типа «Смерть таможенным чиновникам!» и «Никаких налогов без представительства!» — «Долой американцев», «Долой акцизное управление!», «Долой папизм!» — у лондонцев XVIII в., «Да здравствует парламент!», «Да здравствует третье сословие!» — у парижских низов в канун революции или как одна из вариаций — к использованию разного рода символов и обрядов например, «папизм и деревянные башмаки», ритуальные деревья свободы или сожжение чучел, изображавши министров Георга III в предреволюционном Бостоне по примеру сожжения чучела папы римского. На более высоком уровне народный лексикон обогащался такими понятиями, как «патриот» (в трех названных странах) или (только во Франции) «общественный договор», «третье сословие» и «права человека». Последнее понятие вошло в политическую программу Французской революции — Декларацию прав человека и гражданина, принятую в августе 1789 г., и в более раннюю программу Американской революции — Декларацию независимости (1776 г.).

Новые идеи, естественно, проникали в народное сознание в разных странах различными путями, которые во многом определялись уровнем грамотности населения. Соответствующие более или менее надежные статистические данные в источниках того времени отсутствуют, а уровень грамотности, установленный путем подсчета подписей на брачных свидетельствах и полицейских протоколах, варьируется от страны к стране и даже от района к району. Однако научный анализ этих не слишком убедительных сведений позволит предположить, что в канун XVIII в. — «века революций» — процент грамотных среди рядовых американцев, чаще читавших Библию, был выше, чем среди английского простонародья, а у тех, в свою очередь выше, чем у французов (в Англии, как и в Америке, к тому времени почти не осталось крестьянского населения). По приблизительным подсчетам, в больших городах, таких, как Лондон и Париж (в Америке «больших» по тому времени городов не было вовсе), уровень грамотности среди населения достигал 40—50%; причем у чернорабочих он был ниже, чем у ремесленников, а у женщин — значительно ниже, чем в первых двух группах.¹² Таким образом, намного меньше 50% представителей парижских низов и лишь 6-7 из 10 ремесленников могли расписаться или прочитать революционные призывы в многочисленных брошюрах или рукописных журналах того времени. Работы Руссо знала образованная «элита»; простой читатель мог получить представление об их содержании только опосредованно и в упрощенном виде — из вторых, а то из третьих рук. Но знания, почерпнутые из книг, могли передаваться и иными способами: во французских провинциях в 1789 г., в больших и малых городах руководители

зачитывали сообщения из газет и сообщения о событиях в Версале и Париже с балкона местных ратуш. Еще более доходчивым средством информации были церковные проповеди, военные приказы или речи на собраниях пуритан — например, в Англии в 40-е гг. XVII в. Во Франции в 1789 г. ремесленники небольших мастерских — преобладающей форме предприятий того времени, — обсуждая текущие события дня, обычно узнавали от хозяина лозунги дня и новую терминологию. В Париже своеобразными народными клубами были винные погребки, рынки, бакалейные лавки. Здесь обсуждались животрепещущие проблемы, зарождались бунты и восстания.

Так или иначе, «привнесенные» понятия накладывались на «врожденные» понятия и убеждения; сплавом обоих этих элементов и являлась новая народная идеология. Естественно, этот процесс проходил в городах быстрее, чем в деревнях, и во время революций (из истории которых почерпнуты почти все приведенные выше примеры) быстрее, чем в периоды социального и политического затишья. Эта амальгама могла принять в ее окончательном виде характер идеологии боевой, революционной или, напротив, консервативной и контрреволюционной. Зависело это не столько от социальной природы реципиентов и «врожденных» представлений адресата, сколько от самих «привнесенных» идей, от которых они отталкивались, от характера полученных идей, восприятие которых определялось сложившейся обстановкой и тем, что Э.Р.Томпсон назвал «встряской опыта».¹³

Формирование народной идеологии определяется, следовательно, не двумя, а тремя факторами, являвшимися, как уже отмечалось, ее фундаментом; идеями, «привнесенными» извне, или внешним элементом, которые могли быть эффективно абсорбированными, если попадали на подготовленную почву; и наконец, обстоятельствами и опытом самих народных низов, которые в конечном счете определяли характер амальгамы. Только с учетом всех этих факторов можно попытаться, почему парижские санкюлоты остались верны революции, в то время как их собратья в Лионе, Марселе и других городах, имевшие в целом такие же «врожденные» убеждения и точно так же прошедшие через горнило революции, впоследствии под влиянием новых (жирондистских) идей отошли от нее; почему крестьяне в Вандее, чьи «врожденные» идеи и устремления были такими же, как и у крестьян других областей Франции, в условиях, сложившихся весной 1793 г., изменили своим изначальным революционным идеалам. Генезис народной идеологии — процесс весьма сложный. При любом раскладе «врожденные» представления настолько устойчивы, что новые, «привнесенные» идеи, как прогрессивные, так и реакционные, в процессе их передачи трансформируются. Это положение сохраняет силу не только для «доиндустриального» периода. Процесс выработки новых идей не сводится к механическому сложению двух элементов; последнее возможно только в тех редких случаях, когда «врожденная» идеология воспринимает новый элемент пассивно. Обычно же «привнесенные» идеи в процессе их передачи и адаптации народными низами, как, впрочем, и другими классами, претерпевают определенные изменения. Воздействие их в конечном счете определяется социальными нуждами и политическими целями тех классов, которые готовы их воспринять. Предметный урок такого рода преподали Мартину Лютеру в 20-х гг. XVI в. немецкие крестьяне, которые к его величайшему негодованию восприняли его учение буквально — как идейную основу восстания против князей, видя в них угнетателей, а отнюдь не благодетелей, как сам Лютер. Французская буржуазия, созревшая к концу 80-х гг. XVIII в. для революции, использовала учение Руссо о «народном суверенитете» и его понятие «общественного договора» в качестве идеологического оправдания своего восстания против аристократии и королевского деспотизма, тогда как много раньше французский аристократический парламент, а также венгерские и польские аристократы использовали идеи Руссо и Монтескье с целью поднять аристократический элемент на борьбу против короны. Французские

«низы», в частности парижские санкюлоты, усвоили свой урок: почерпнув новые революционные идеи у либерально настроенной части аристократии и буржуазии, они приспособили их для собственных нужд и при случае обращали их не без успеха против своих прежних наставников.

И еще один вопрос, который мы только затронем здесь: что происходило с новой народной идеологией, выкованной в пламени революции, после окончания «народной» фазы революции или после победы контрреволюции? Означало ли это, что после поражения, к примеру, английских левеллеров в Берфорде в 1649 г., парижских санкюлотов в 1795 г. и французских рабочих в июне 1848 г., политический опыт, накопленный ими в ходе революции, пропадал втуне и все предстояло начинать заново, готовясь к новому революционному периоду, неизменно наступавшему после определенной передышки? Конечно, нет. Сколь ни реальной оказывалась наступившая реакция, например протекторат Кромвеля и Реставрация в Англии или наполеоновская империя и Реставрация во Франции, народные революционные традиции не умирали: в глубоком подполье, вне поля зрения властей, они продолжали жить, возрождаясь в новых формах и в новых исторических условиях. К тому времени народные массы, переработавшие «привнесенные» идеи, успевали изменить свой облик.

* Имеется в виду догмат лютеранства и протестантизма в целом в противовес католическому догмату об оправдании «добрыми делами». — *Прим. ред.*

** «Улучшениями» называли огораживание лендлордами в прошлом открытых и общинных полей, приводивших к сгону с земли земледельцев, пользовавшихся ею на основании обычного права. — *Прим. ред.*

Ссылки на источники

1. Lewis O. The Culture of Poverty, *Scientific American*, CCXI (1966), p.19-25.

Ричард Хоггарт проводит примерно то же различие, анализируя положение современного рабочего класса; см. главу о «них» и о «нас» в: «Uses of Literacy» (London, 1957), p.72-101.

2. Hill C. The Norman Yoke, — в: «Democracy and the Labour Movement», под редакцией.

3. John Saville, London, 1954, p.11—16.

4. Raab Felix, The English Face of Machiavelli, London, 1964.

5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.4, с.438.

6. Sewell William H. Критический разбор работы: Robert Bezucha. The Lyon Uprising of 1834 в *Social History*, 5: May, 1977, p.6188—689. Это не самый лучший пример, поскольку основные идеи лионских рабочих и хозяев небольших мастерских к тому времени, то есть к 1834, а не в 1831 г., претерпели некоторые изменения, и в частности приобрели политическую окраску под влиянием их связей с «Молодыми республиканцами» города.

7. См., в частности: Thompson E.P., The Moral Economy of English Crowd of the Eighteenth Century, *Past and Present*, № 50, May 1971, p.76-136.

8. См. также о непродолжительном движении кентских сельскохозяйственных рабочих в 1838 г., принявшем формы религиозного мессианизма в: Rogers P.G. Battle in Bossenden Wood, London 1961.

9. V o v e l l e M. Le tournant des mentalites en France 1750-1789: la "sensibilite" pre-revolutionnaire, *Social History*, 5, May 1977 p.605-629.

10. H o b s b a w m E. J. Primitive Rebels (Manchester, 1959) p. 29.

11. T h o m p s o n E. B. Eighteenth-Century English Society: Class Struggle Without Class? *Social History*, III (2), May 1978, p.137—165, особенно p.164—165.

12. Анализ уровня грамотности во Франции XVIII в. см. в: M o r n e t D. Les origines intellectuelles de la Revolution francaise, Paris 1933, p. 420—425; и (в Париже): Rude G., The Crowd in the French Revolution, Oxford, 1959, p.210—211. Об уровне грамотности в Англии XVIII в. см. ряд статей в: Past and Present, особенно следующие две статьи: Lawrence Stone. Literacy and Education in England, 1640—1900, № 42, February 1969, p.69—139; Sanderson Michael. Literacy and Social Mobility in the Industrial Revolution in England, № 56, August 1972, p.75—104. В обеих отмечается относительно высокий уровень грамотности среди неквалифицированных рабочих и прислуги в 1700—1750 гг. (около 40%), его резкое понижение в третьей четверти века и кратковременный подъем около 1775 г. Однако сколько-нибудь достоверных данных для Англии в целом до 1840 г. не имеется.

13. Приведем цитату полностью: «Эта культура (самодеятельная культура народа)... непрерывно входила в противоречие с официальными оценками действительности. Так, массы, участвовавшие в движении «за церковь и короля», могли превратиться в якобинцев или луддитов в результате «встряски, полученной на основании собственного опыта», или под влиянием «мятежных» пропагандистов». T h o m p s o n , Op.cit, p.164. Это примерно совпадает и с точкой зрения автора этой книги.